

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ КИРИЛЛ КАК БОГОСЛОВ

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ О СЛУЖЕНИИ ЦЕРКВИ В МИРЕ

Митрополит Волоколамский Иларион

Первого февраля 2009 г. в Москве, в соборном Храме Христа Спасителя, состоялась интронизация новоизбранного Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, после которой он обратился со Словом к членам Поместного Собора и собравшимся в храме молящимся. В своем обращении Предстоятель Русской Православной Церкви кратко обозначил свое понимание патриаршего служения.

Прежде всего «Патриарх — хранитель внутреннего единства Церкви и вместе с собратьями по епископату блюститель чистоты веры... Задача Патриарха — не допускать перерастания разномыслий, которым, по слову апостола, *надлежит быть* (1 Кор. 11, 19), в расколы, нестроения и лжеучения. Патриарх должен заботиться о том, чтобы каждая личность во всей ее неповторимости находила свое место в церковном организме и, в то же время, чтобы разномыслия не нарушали духа любви и не ослабляли общих усилий по созиданию дома Божия»¹.

Помимо сохранения внутреннего единства, задача Патриарха — хранить и внешнее единство вверенной ему Богом Церкви: «Патриарх — защитник внешних канонических рубежей Церкви. Это служение приобретает особое значение в той ситуации, которая возникла после образования независимых государств на пространстве *«исторической Руси»*. Уважая их суверенитет и радея о благе каждого из этих государств, Патриарх в то же время призван заботиться о сохранении и укреплении духовных связей между населяющими их народами во имя сбережения той системы ценностей, которую являет миру единая православная цивилизация Святой Руси»².

Сохранение внутреннего и внешнего церковного единства — не самоцель, ибо служение Церкви всегда было и поныне остается прежде всего служением, целью которого является спасение людей через просвещение мира светом Евангелия Христова. Поэтому

¹ Слово после интронизации 1 февраля 2009 года в соборном Храме Христа Спасителя.

² Там же.

Первосвятитель говорит, что «особой заботой Патриарха станет церковная проповедь духовно-нравственных идеалов применительно к реалиям современной жизни. Свидетельство об истине и красоте Православия может быть принято и усвоено только тогда, когда люди ясно поймут значение этого свидетельства для своей личной, семейной и общественной жизни и научатся сопрягать вечные Божественные слова с реальностями повседневной жизни, с ее заботами, радостями и скорбями»³.

Чрезвычайно важный аспект видения Патриархом современной миссии Церкви — особое внимание, которое он уделяет диалогу с самой широкой аудиторией. «Свидетельство Церкви миру предполагает не только проповедь с церковной кафедры, но открытый, доброжелательный и заинтересованный диалог, в котором обе стороны и говорят, и слушают. Через такой диалог истины веры становятся по меньшей мере понятными, ибо входят в творческое и живое соприкосновение с мыслями и убеждениями людей. Церковь же обогащает себя через такой диалог знанием того, что представляет из себя современный человек с его образом мыслей и вопрошаниями к Церкви»⁴.

Далее мы постараемся показать, как Святейший Патриарх Кирилл на протяжении первого десятилетия своего служения развивал основные тезисы первого первосвятительского Слова и реализовывал их, публично обращаясь к церковной и светской аудитории.

Ключевая мысль Патриарха, когда он говорит о служении Церкви, о ее миссии в мире, состоит в том, что Церковь призвана возвещать Божию правду.

«Мы, люди, являющиеся сердцевиной и вершиной всего творения, несем ответственность за все, что происходит в мире, потому что именно Бог вручил человеку многое из того, что ему надлежит сделать, для того чтобы мир и творение Божие обнаруживали красоту первоизданного бытия. Из этой ответственности за судьбы мира и человека проистекает особое служение Церкви. Мы называем это служение пророческим служением, потому что по примеру Господа и святых пророков, продолжая это служение, Церковь призвана провозглашать Божию правду людям, ибо пророчества — это и есть провозглашение Божией правды»⁵.

Патриарх обращает внимание на разные аспекты этого призвания. Как выполнять столь высокое и ответственное пророческое служение? Что является источником для такого служения? Как соответствовать этому призыванию — и в каждодневной пастырской деятельности, и в общественном пространстве?

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Проповедь за Божественной литургией на Бутовском полигоне (23 мая 2009 г.).

На эти вопросы Патриарх дает такие ответы.

«Подобно Христу мы, Церковь, не свои слова произносим, не от своей собственной мудрости, и Патриарх вам говорит не от самого себя и не на себя ссылается, а на Господа, на Слово Божие, хранимое в Церкви. Это сохранение Божественного Слова мы называем Преданием Церкви, Преданием с большой буквы. Это Предание — критерий истины: мы накладываем его на все то, что сегодня происходит в мире с обществом и человеком, и говорим, где правда, а где ложь, где грех, а где святость. И как бы ни оправдывали грех ссылками на человеческую свободу, на какие-то «правильные» формы политического устройства, мы все равно говорим и будем говорить, что грех — это грех, вызывая на себя огонь, вызывая критику, вызывая на борьбу с нами людей могущественных, обладающих деньгами, способных влиять на СМИ... Мы говорим Божью правду, потому что ничего другого у нас нет. Если только мы начнем говорить от себя, если мы начнем приспособливаться к вкусам, к моде, к словам сильных мира сего, — такая Церковь никому не будет нужна. Церковь нужна людям только потому, что она есть, по слову апостола, *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15)»⁶.

Обращаясь к пастырям и душепопечителям, Патриарх предостерегает о тех опасностях, с которыми они могут сталкиваться, когда следуют своему призванию быть «пророческим голосом» Церкви:

«Церковь призвана провозглашать Божию правду. И поскольку я обращаюсь сегодня, в первую очередь, к духовенству города Москвы, а также и к духовенству всей нашей Церкви, я хочу сказать о том, что на всех нас лежит величайшая ответственность за то, чтобы мы не повторяли ошибок людей, которые свое человеческое мудрование ставят выше Божией правды. Иногда наш с вами комментарий Божией правды, наше личное понимание Евангелия поставляется на первое место, затемняя тем самым суть Евангельского слова. И тогда мы имеем проблемы, в том числе и с людьми, которые как бы не хотят принять правду Божию. На самом же деле речь идет не о Божией правде, а о нашем неумелом, а подчас и неправильном толковании этой правды. Для того чтобы наше пастырское слово помогало людям увидеть Божию правду во всей ее красоте и силе, мы должны со смирением преклонять главу свою перед этой Божией правдой, перед тем, как в истории Церкви она раскрывалась святыми отцами, запечатлевшими имена свои на скрижалях церковного Предания»⁷.

Верность Преданию в церковной жизни и пастырской практике — это незыблемый императив Православия, которому Церковь следовала

⁶ Слово после Божественной литургии в Пюхтицком ставропигиальном монастыре (15 июня 2013 г.).

⁷ Патриаршее слово после Рождественской Великой вечерни в Храме Христа Спасителя (7 января 2010 г.).

во все времена и в самых разных исторических обстоятельствах. Другое дело — возвешение Божией правды за строгими пределами церковной ограды, в большом обществе, в современном мире. В течение долгих десятилетий наша Церковь пребывала либо в условиях прямых гонений, либо в положении «общественного изгоя». В этот период государственного безбожия свобода Церкви была до предела стеснена. Но ситуация радикально изменилась, «когда вышла Церковь из этой эпохи и обрела реальную свободу, в том числе и свободу определять свою позицию по отношению к жизни народа, к жизни общества, с христианской точки зрения оценивать характер общественных отношений, вот тогда впервые, может быть, в истории наша Церковь обрела способность говорить народу правду не только о личных проблемах человека, но и об общественных отношениях».

Патриарх задается вопросом: что это означает? Его ответ таков: «Это означает, что только так Церковь может христианизировать или, выражаясь словом более приемлемым для современного общества, гуманизировать человеческие отношения. Потому что не может быть подлинной гуманизации без Божественного участия. Гуманизация без Бога оборачивается атеизацией, разрушением человеческой личности, идолопоклонством. И сегодня нашей задачей является проповедь, обращенная как к людям, к личностям, помогающая им разобраться в самих себе, в своих семейных отношениях, так и ко всему народу. Потому что без этой проповеди не будет реальной системы координат, и мы снова можем оказаться перед страшными испытаниями, подобными тем, что постигли нас в начале XX века»⁸.

В данном случае Патриарх расширяет значение слова «проповедь» в соответствии с представлением о всеобъемлющей миссии Церкви в мире. При этом существо проповеди никоим образом не изменяется, но она приобретает тот масштаб, о котором говорят слова апостола Павла: *Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9, 22).

«Мы призваны сегодня к тому служению, которое дает возможность свидетельствовать о Христе ближним и дальним. Именно этому подчинен диалог Церкви и государства. Именно этому подчинен диалог Церкви и общества, диалог с миром науки и образования. Именно этим целям подчинен межрелигиозный диалог. Через этот диалог со всеми Церковь доносит не силой власти, оружия или принуждения, но силой слова Божия те мысли, без усвоения которых не может быть подлинной гуманизации личной и общественной жизни».

«Диалог со всеми» — вот точное выражение Патриарха, отражающее характер этой широкой проповеди в современном обществе, отличительными чертами которого является множественность

⁸ Слово в день памяти святителя Филарета Московского после Литургии в Храме Христа Спасителя г. Москвы (2 декабря 2014 г.).

мировоззрений, политических убеждений и моральных ориентиров. Выходя в мир, за церковную ограду, Церковь призвана искать и находить такие формы проповеди, которые будут соответствовать реальному состоянию людей, в этом мире живущих. Однако, как подчеркивает Патриарх, диалог — это не подмена церковной проповеди чем-то иным, то есть это не отказ от той духовной брани за спасение людей, которую Церковь всегда ведет в этом мире: «Церковь Божия, на земле пребывающая, является Церковью воинствующей, как учит нас церковное предание, той Церковью, которая борется не за власть и не с властью, но которая борется за то, чтобы Божественное слово проникало в ум и сердце человека и усваивалось обществом и народом»⁹.

При этом Патриарх делает важный акцент, напоминая разного рода «модернизаторам» — как в церковной среде, так и за ее пределами — о том, что Церковь как совершенно особую «небесно-земную» реальность невозможно вписать в светские представления и дихотомии, так как у Церкви своя диалектика земного и небесного: «Сам институт Церкви консервативен по своей природе. Мы призваны сохранять веру, которая передается при помощи традиции. Другое дело, что мы должны передавать веру в таких категориях — философских, языковых, культурных — чтобы каждое последующее поколение людей воспринимало христианское послание как актуальное»¹⁰.

Служение Церкви в мире — едино, ибо у нее один Глава, Сын Божий и Богочеловек Иисус Христос: *один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им* (1 Кор 8, 6). В то же время иерархический строй Церкви предполагает, что в этом едином служении участвуют — каждый по-своему — разные «чины» ее членов: священство, миряне, а также монашествующие как особый чин. Святейший Патриарх Кирилл в своем учительстве уделяет внимание этим особенностям церковного служения, которые связаны со статусом христианина в едином теле Церкви Христовой.

Определяющим для бытия Церкви в мире является епископское служение. Наиболее полно Патриарх выразил свое понимание этого служения в докладе на Архиерейском Соборе 2017 года.

И здесь первичным является возвещение Божией Истины, или Правды: «Как апостолы преподавали учение Христово, так и их преемники — епископы — должны быть хранителями и проповедниками той же Истины. Мы призваны нести людям Евангелие — Благою весть о том, что Бог призывает человека к общению с Собой, что именно ради этого Он *послал* в мир *Сына Своего Единородного* (ср. Гал. 4, 4)»¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ Слово на церемонии вручения диплома почетного доктора Белградского университета (14 ноября 2014 г.).

¹¹ Доклад на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (29 ноября 2017 г.).

Однако выдвигание на первый план евангельской проповеди никоим образом не означает, что апостольское преемство епископов сводится, так сказать, к миссионерству.

«Епископ как преемник апостолов — это также совершитель богослужения, возглавляющий молитву церковной общины за Божественной Евхаристией. Через совершение Литургии мы призваны свидетельствовать, что нет и до Второго Пришествия Христова не будет ничего актуальнее Господней заповеди совершать таинственное воспоминание Его смерти и Воскресения. И нет ничего более открывающего для нас блаженную вечность, чем Божественная Трапеза Святой Евхаристии. Нам также следует прилагать усилия, чтобы участие народа в богослужении было в полной мере осмысленным, чтобы никто не воспринимал службу Божию как устаревшую, хотя бы даже и величественную, традицию или, еще хуже, как некую тягостную повинность, оставленную нам двухтысячелетней историей»¹².

В полном согласии с православной церковной и богословской традицией, Патриарх не отделяет служение епископа от Тела Церкви: «В XXI веке, так же как и во все века, служение епископов, чтобы быть подлинно соборным, должно сочетать хранение определенных преданием институций с неусыпным вниманием к соборному голосу Церкви и «содержать то, чему верили повсюду, всегда, все» по слову преподобного Викентия Леринского»¹³.

И снова Патриарх говорит здесь об опасностях, которые подстерегают епископа, как и любого священнослужителя, призванного к служению, превышающему то, что с мирской точки зрения является лишь «профессиональной религиозной деятельностью».

«Мы видим, что Церкви непрестанно пытаются навязать жизнь по правилам мира сего, чтобы сделать земной институт Церкви равным себе противником и расправляться с ним на своем поле. Горько видеть, когда отдельные служители Церкви способствуют этому, безрассудно обращая то священное, к хранению которого их призвал Господь, на служение сиюминутным, суетным и в конечном счете тленными вещам. Это, в том числе, происходит тогда, когда в священнике совершитель Таинств и проповедник слова Божия уступает место администратору или медиаперсоне, претендующей на популярность модератора общественных процессов. В таком клирике блекнет образ священнослужителя как живой иконы Христа, как свидетеля иной жизни, устроенной по иным, отличным от обычного мира законам. На примере такого священника люди могут, в конечном итоге, перестать видеть сакральный характер Церкви, поставив ее в один ряд с общественными организациями»¹⁴.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Говоря о епископском служении, Патриарх логически связывает эту тему с другими — темой общественного служения и церковного единства. Такое объемное видение является отличительной чертой «практического богословия» Предстоятеля Русской Православной Церкви.

В том же докладе — в части, посвященной епископскому служению — читаем:

«Только там возможно подлинное христианское общественное служение, где ревностно исповедуется особая идентичность христианина и собрания христиан, где с благоговением соблюдается Божий дар святости, где теплится христианская жизнь, в центре которой — евхаристическая молитва как переживание реального присутствия Господа Иисуса Христа, Спасителя мира, горé со Отцем сидяща и zde нам невидимо спребывающа...

Единство же, являемое Церковью, пролегает поверх преходящих барьеров и разделений. Это единство вечное и вневременное, нетленное, всегда актуальное и никогда не устаревающее — единство, о котором сам Богочеловек Христос Иисус молился Своему Небесному Отцу. В свете этого в публичном служении архиерея на второй план с неизбежностью отступает все то, что может стать для тех или иных препятствием на пути к вере в Единую Церковь, а именно: личные интересы епископа, его частные мнения и предпочтения»¹⁵.

Одно из определений Церкви в Символе веры — Церковь апостольская. Это емкое определение, включающее в себя несколько смыслов. Апостольство указывает на посланничество, миссию, проповедь как возвешение Евангелия. Миссионерский аспект служения Церкви в мире предполагает участие всей церковной Полноты. Так, апостол Петр говорит, обращаясь к первоначальной Церкви, как к сообществу верных Христовых, как к Новому Израилю: *Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет* (1 Пет. 2, 9).

Святейший Патриарх Кирилл следует этому апостольскому слову, когда говорит о том подлинно церковном служении, которое сегодня осуществляют не только епископы и священники, но и миряне:

«Сила апостольского свидетельства дошла до наших дней, и в этом смысле мы все преемники апостолов. А если так, то мы должны воспринимать не только то, чему научаемся через их послания, через их житие, но и воспринимать само их апостольское служение. Церковь именуется апостольской именно потому, что продолжает апостольское служение, продолжает свидетельствовать миру. Было бы большой ошибкой считать, что это свидетельство — дело лишь архиереев, священников. Вся Церковь свидетельствует миру — быть может, в первую

¹⁵ Там же.

очередь через апостольские труды мирян. И сегодня это служение очень значимо. Знаю много историй, которые до меня доносит и человеческая молва, и свидетели, о том, как простые верующие люди обращают к вере своих сограждан. Удивительная история апостольства нашей Церкви продолжается и в нынешнее время. Наверное, никогда в деталях невозможно будет обо всем этом рассказать, очень многое уйдет с теми, кто совершал и совершает это служение. Но я бы хотел поблагодарить за эти труды всех, кто обратил хотя бы одного своего соотечественника, привел его ко Христу, к купели крещения»¹⁶.

Патриарх однозначно высказывается в пользу самого активного мирянского служения в Церкви — как одного из служений, осуществляемых Церковью:

«В последние годы в нашей Церкви стремительно развивается служение мирян. Почти все, что совершается, то, чем мы хвалимся пред Господом, то, что возносим в качестве жертвы нашей, то, что радует нашу душу, совершается руками мирян — конечно, при активном участии иерархов и духовенства, но руками мирян, их волей, их усердием, их верой, их благочестием. И потому каждое служение в Церкви, будь то служение катехизатора, педагога, социального работника, того, кто работает с юношеством, или того, кто занимается миссионерской деятельностью, кто несет христианское свидетельство в гущу народную, кто развивает диалог Церкви и общества, кто несет людям представление о красоте евангельского нравственного идеала, — каждое из многообразных служений Господу имеет и дар благодати, и Божие благословение. Но и судить всех нас Господь будет по мере дара благодати и по мере той ответственности, которую мы в Церкви имеем, и кому больше дано, с того больше и спросится (см. Лк. 12, 48)»¹⁷.

Помимо священнослужителей разных степеней и мирян как собственно народа Божия, в Церкви есть особый чин — монашествующие. В том всеобъемлющем видении церковной реальности, которое характерно для Святейшего Патриарха Кирилла, современная роль монашества осмысливается одновременно и в согласии с православной традицией, и в аспекте служения Церкви в современном обществе.

«Монашество должно оставаться яркой свечой, которая призвана гореть в современном мире, и в этой верности избранному монашескому пути нас должны охранять не только монастырские стены, потому что сегодня и сквозь стены проступает всеобъемлющий глобальный информационный поток, но и сила веры, сила нашего призвания и сила примера великих подвижников благочестия»¹⁸.

¹⁶ Проповедь после Литургии в московском храме святых апостолов Петра и Павла в Лефортове (12 июля 2018 г.).

¹⁷ Слово после Божественной литургии в неделю по Богоявлению (23 января 2011 г.).

¹⁸ Проповедь после Литургии в Казанской пустыни в Шамордино (24 октября 2015 г.).

Почему это так важно? Потому что «если мы понимаем непреложную истину, что духовная жизнь человека важна не только для него самого, но и несет в себе огромный потенциал воздействия на окружающий мир, то становится ясно: даже самое уединенное монашеское житие, в котором и через которое совершается духовный подвиг, способно влиять на окружающий мир, и примеры святых об этом ясно свидетельствуют»¹⁹.

Говоря о монашеском призвании и монашеской жизни, Святейший Патриарх напоминает древнюю истину, но одновременно обозначает и столь же древнюю проблему.

С одной стороны очевидно, что «нет никакой другой цели вступления в монастырскую общину, как только создание благоприятных условий для того, чтобы духовная доминанта жития никогда не разрушилась, не ушла на периферию, чтобы она продолжала формировать образ мыслей и образ действий».

Но с другой стороны, возникает вопрос: «Как соединить духовную доминанту монастырской, монашеской жизни с несомненными успехами в области хозяйства, культуры, строительства? И ведь многие сторонние наблюдатели, говоря о монастырях, в первую очередь отмечают именно эту, как бы мирскую, их роль. Как нередко пишут в книгах, монастыри всегда были центрами социальной, военной, хозяйственной жизни, — перечисляется все, кроме жизни духовной. Поэтому понимание того, как сочетается духовный приоритет с повседневными хозяйственными трудами братии, поможет и нам, живущим в миру, создать правильную систему ценностей и координат»²⁰.

Об этом «сочетании» Патриарх говорит так:

«Несомненно, у монаха нет другой жизненной цели, кроме как достижение успехов в жизни духовной. Тех самых ценностей, о которых мы... слышали у апостола Павла в Послании к Галатам (Гал. 5, 22–6, 2). И *радость*, и *любовь*, и *долготерпение*, и *милосердие*, и *вера*, и *кротость*, и *воздержание* — все это и есть ценности духовной жизни, и монашествующий, конечно, устремлен к тому, чтобы их достичь. Но и в том, что касается хозяйственной деятельности, присутствует нечто очень важное. Ведь вся хозяйственная деятельность, в которую вовлекается монах, не имеет ничего общего с его личными материальными интересами. Монашествующие трудятся, возделывают землю, строят здания, участвуют в воспитании людей, делают еще очень много полезных дел, будто имеющих отношение только к горизонтальному измерению человеческой жизни, лишь для одной цели, — чтобы сохранялась доминанта жизни духовной»²¹.

¹⁹ Доклад на Собрании игуменов и игумений Русской Православной Церкви (23 сентября 2016 г.).

²⁰ Проповедь в день памяти святых Сергия и Германа Валаамских после Литургии в Валаамском монастыре (11 июля 2018 г.).

²¹ Там же.

И снова, касаясь конкретного вопроса о монашестве и монастырях, Патриарх расширяет тему, придавая ей общественное звучание, то есть переходя от собственно церковной практики к практике социальной:

«В истории философии известны имена мыслителей, которые мечтали о солидарном обществе. Эта тема приобретала разные оттенки: в какие-то моменты истории она могла быть духовно возвышенной, а порой становилась чисто идеологическим понятием. Но сама идея солидарного общества является очень светлой и правильной, — это готовность каждого из нас трудиться для того, чтобы не только мне, но и всем остальным становилось лучше».

В данном случае проявляется одна из наиболее характерных особенностей мысли Святейшего Патриарха Кирилла, которая заключается в том, что для него нет разделения между Церковью и обществом в целом. Наоборот, пафос этой мысли состоит в утверждении неразрывной связи между Церковью и народом, между духовным и светским в жизни общества. Именно поэтому такой, казалось бы, частный вопрос, как монастырская жизнь, побуждает Патриарха размышлять о фундаментальных социальных проблемах.

«Опыт монастырей является замечательным свидетельством того, что люди, объединенные верой, способны построить реально солидарное общество. И как важно, чтобы это могло произойти и в нашей светской жизни, с опорой на веру православную, потому что она является самым важным фундаментом для абсолютного большинства нашего народа, даже если некоторые как бы не связывают себя с Православной Церковью, — ведь все мы укоренены в нашем прошлом, в нашей духовной и материальной культуре, созданной под влиянием Православия. А потому опыт Православия может и сегодня помогать людям в устроении не только своей личной жизни, но и жизни общественной. Еще раз хочу сказать, что пример монастырей как в прошлом, так и в настоящем может помочь людям выработать правильное отношение, правильный взгляд на свое участие в жизни всего народа, всего нашего общества»²².

Но если Церковь, по мысли Патриарха, не отделяет себя от жизни народа и общества, то возникает вопрос, какова главная общественная функция Церкви? А далее — другой вопрос: что позволяет Церкви выполнять особое, только ей свойственное общественное служение? На эти вопросы Святейший Патриарх дает прямые и ясные ответы. Согласно последовательной точке зрения Патриарха, призванием Церкви в современном обществе является постоянное напоминание о непреложности нравственных норм и требований различения добра и зла без чего человеческое общество не может существовать.

«Будем помнить о том, что народ делают народом не только общий язык и территория проживания. Народ становится народом, когда

²² Там же.

живет общими духовно-нравственными ценностями, культурными смыслами, сознает свою связь с прошлым и солидарно открыт к будущему. Такой народ будет по-настоящему жизнеспособным и сумеет избежать потрясений, подобных тем, что случились с нами в минувшие 100 лет»²³.

Фундаментальные нравственные нормы неизменны, это то, что скрепляет жизнь людей и народов на протяжении истории со всеми ее трансформациями и катаклизмами. И именно Церковь, которая, с одной стороны, не отделяет себя от общества, а с другой стороны, всегда больше общества, превышает его в силу своей сопричастности своему Главе, выступает как сила, способная вносить в жизнь общества духовно-нравственное измерение.

«Русская Православная Церковь является единственным социальным институтом, не терявшим преемственности на всем протяжении истории стран ее канонической ответственности: дореволюционной истории во всем многообразии ее эпох, советской и постсоветской истории. Причина тому — Богочеловеческая природа Церкви, соединение вечного с временным, видимого с невидимым, небесного с земным. В историческом бытии это проявляется в особой миссии Церкви, помогая ей взглянуть на сиюминутные проблемы с той дистанции, которую определяют ее Богочеловеческая природа, ее сопричастности вечности. Именно этот угол зрения и дает Церкви возможность служить примирению людей и сохранению мира»²⁴.

Эта особая миссия Церкви, о которой говорит Патриарх, была свойственна ей всегда. В то же время в современных условиях значимость этой миссии только возрастает.

«Сегодня люди не желают иметь никаких норм — ни нравственных, ни духовных, ни культурных. Многие полагают, что началом и концом для всего является человеческая личность: человек сам определяет для себя и норму веры, и норму жизни, и нет никаких высших сил, которые бы их санкционировали. Люди, которые так живут, являются людьми не верующими в Бога, даже если они себя таковыми называют, потому что вера связана с принятием той нормы, которую Бог передал нам через Свое откровение. Это Божественные заповеди, это образ жизни, ведущий человека ко спасению. Что бы ни происходило в истории, Церковь призвана ограждать эти нормы — не людьми выдуманные, но Богом переданные роду человеческому. И потому все то, что мы сегодня совершаем в Церкви, направлено на сохранение нормы веры и нормы жизни, запечатленных в нашем Священном Предании»²⁵.

²³ Доклад на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений (25 января 2017 г.).

²⁴ Там же.

²⁵ Проповедь в день памяти святителя Московского Петра, всея России чудотворца (6 сентября 2012 г.).

Может показаться, что в вышеприведенных цитатах говорится о разных вещах: духовно-нравственная солидарность народа как единого тела — не то же самое, что общность церковного тела, состоящего из тех, кто с верою идет по пути ко спасению. Однако именно такое жесткое различие чуждо мысли Патриарха: для него тема нравственных норм, в рамках которой ставится вопрос о нравственном консенсусе, — это то, что связывает церковные «нормы веры и нормы жизни» с нравственным аспектом жизни народов, обществ и даже мирового сообщества, охватывающего все человечество. В то же время это именно связь, а не смешение, ибо Церковь исходит из того Божественного закона, который дан ей в Откровении Самим Богом. Опираясь на Божественное Откровение, Церковь выходит в большой мир, настаивая на том, что «нравственный закон», о котором она говорит, — универсален.

Эта логика ясно выражена в следующих словах Патриарха:

«Убежден, что нравственный консенсус есть единственно возможное универсальное основание для мирного сосуществования разных культур и народов в современном мире, если хотите, условие выживания плюралистической человеческой цивилизации, в которой, кроме этого консенсуса, корнящегося не в сфере идей, не в сфере идеологии, а в самой Богом созданной природе человека, невозможно отыскать иной основы для формирования системы ценностей, которая бы могла удовлетворять всех...

Собственно же нравственные чувства, так замечательно выраженные в Десяти заповедях, присущи всему человеческому роду. Поэтому только от этого чувства, от этой общности, соединяющей всех людей по лицу Земли, и можно выстраивать общечеловеческий консенсус, а на его основе осуществлять иные проекты, способные цементировать отношения людей, живущих в разных странах, имеющих разные культуры и нередко разное целеполагание...

Вместе с тем очевидно, что для Церкви понятие «нравственный» всегда сопряжено не просто с общечеловеческим пониманием добра, совести, справедливости и т. д., но с их высшими проявлениями, которые открываются нам в Святом Евангелии. Говоря о нравственных ценностях, православные верующие всегда подразумевают стремление к нравственным идеалам, нравственному совершенству заповедей блаженств: любовь к ближним вплоть до любви к врагам, готовность к самоотречению и самопожертвованию, смирение, кротость и терпение, милосердие и миротворчество, достижение чистоты сердца. Но все эти высочайшие христианские заповеди органически связаны с тем самым нравственным консенсусом, о котором я только что сказал. В христианстве нравственная тема достигает своего апогея и предоставляет людям возможность видеть, что есть подлинный нравственный идеал человеческой жизни»²⁶.

²⁶ Доклад на открытии XXVI Международных Рождественских образовательных чтений «Нравственные ценности и будущее человечества» (24 января 2018 г.).

Церковь всегда выступала в обществе с нравственной проповедью, но сегодня такая проповедь особенно актуальна в силу острого кризиса, который Патриарх описывает так:

«Идеи вседозволенности, неограниченной свободы личности, крайнего индивидуализма, постепенно проникавшие в течение последних столетий во все сферы жизни общества — от политики и экономики до культуры и искусства — бросают вызов нравственным ценностям, объявляют их ненужными и даже мешающими общественному развитию. И мы становимся свидетелями того, как в ряде стран это опасное явление отражается в законодательстве, что приводит к эрозии важнейших общественных институтов, в первую очередь таких, как семья и школа»²⁷.

В этой ситуации важен именно голос Церкви, поскольку церковный взгляд является не просто взглядом с точки зрения определенной этической доктрины, конкурирующей с другими возможными доктринами. Церковь говорит о тех онтологических мутациях, которые происходят в человеке, пораженном злом, употребляя религиозный термин: грех. И Патриарх смело вводит — а лучше сказать, возвращает — это понятие в публичное светское пространство, отождествляя зло с грехом и противопоставляя ему столь же религиозное представление о святости:

«Никогда в прошлом человечество рационально не объясняло и не оправдывало грех — не в том смысле, что какое-то одно греховное деяние оправдывается и объясняется с позиций того или иного мировоззрения, а в том смысле, что само понятие греха, то есть зла, сегодня принципиально, идеологически, философски поставляется на один уровень с правдой, истиной, святостью».

И далее Патриарх ставит жесткий диагноз:

«Сегодня мы можем утверждать, что сама нынешняя философия общественного развития предполагает не ясное отделение добра от зла, не общественное согласие вокруг непререкаемых фундаментальных нравственных ценностей человеческой жизни, а плюрализм мнений, в том числе в нравственной сфере»²⁸.

«Сами стандарты жизни, стандарты мысли, некая мода на образ жизни, которые являются в современном мире господствующими, являются одновременно антихристианскими. Из этих ценностей, которые и ценностями нельзя назвать, удалено духовное и религиозное измерение. Сегодня создается цивилизация внерелигиозная»²⁹.

²⁷ Слово на открытии IV Рождественских парламентских встреч в Совете Федерации (29 января 2016 г.).

²⁸ Слово после вручения диплома почетного доктора Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (4 марта 2010 г.).

²⁹ Проповедь за Божественной литургией на Бутовском полигоне (23 мая 2009 г.).

Таким образом, позиция Патриарха — антисекуляристская. Его последовательно церковная точка зрения исключает какие-либо заигрывания с антирелигиозными или даже внерелигиозными мировоззрениями, претендующими на доминирование во многих современных обществах — исторически преимущественно христианских. Патриарх открыто выступает с критикой секулярной парадигмы, согласно которой религии не место в общественной сфере и потому она должна быть, говоря словами социологов, «приватизирована», то есть сведена к частным интересам отдельных людей.

«Возведение прав и свобод человека в идеал и абсолютную ценность привели к вытеснению религии из публичного пространства, отказу от норм нравственности и традиционной морали. Между тем, человеческие права и свободы ценны и созидательны лишь в рамках религиозной системы координат, в рамках нравственной ответственности человека. Но если нравственность становится относительной, тогда свобода становится вседозволенностью, потому что только нравственность способна ограничивать и направлять к добру свободный выбор человека. Свобода не может рассматриваться в отрыве от ответственности человека перед Богом, окружающими людьми и самим собой, перед голосом своей совести. В равной степени и права не могут существовать без обязанностей, в том числе и нравственных, вытекающих из нравственной природы человека...

Демонтаж христианского фундамента европейской цивилизации и триумфальное шествие секулярной идеологии привели к появлению постыдных явлений, угрожающих не просто моральному благополучию, а самому существованию европейского континента. Христианство попало под прицел борьбы за гегемонию секулярных стандартов в общественной жизни. Сегодня христианам отказывают в праве мотивировать свои поступки в общественном пространстве религиозными соображениями. Религия провозглашается исключительно частным делом, а любые проявления религиозности в лучшем случае не одобряются, в худшем — порицаются и наказываются»³⁰.

Квалифицируя состояние современных секулярных обществ как кризисное прежде всего с нравственной точки зрения, Святейший Патриарх настаивает на том, что преодоление этого кризиса возможно только через возвращение людей к религии и через возвращение религии в общественное пространство. Такую позицию можно назвать *постсекулярной*, если использовать новейший термин, ныне часто используемый в социологии и других областях гуманитарного знания. Постсекулярный подход предполагает, с одной стороны, учет того факта, что и в секулярном обществе религиозность людей сохраняется и порой даже возрастает, вопреки предсказаниям еще недавнего прош-

³⁰ Там же.

лого о ее неминуемом исчезновении по мере прогрессивного развития человечества. В то же время, с другой стороны, ныне мы являемся свидетелями того, как во многих обществах религия либо сохраняет свое присутствие, либо активизирует его в публичном пространстве. То есть вполне реализовать секуляристскую стратегию «приватизации религии» оказывается невозможно.

Так, с одной стороны, Патриарх напоминает о неизбежной религиозной жажде человека:

«Мы убеждены, что душа человека, по выражению Тертуллиана, «по природе своей христианка». Она чувствует недостаток благодати Божией, страдает от того, что не причастна к источнику вечной радости и счастья. Ведь вера — это сама жизнь. Это не схоластическая схема, не умозрение — это жизнь. Она наполняет душу человека смыслом, целью и высшим призванием. Вера в своем устремлении к совершенству всегда строится на любви к Богу и ближнему»³¹.

С другой стороны, Патриарх настаивает на том, что тщетны те сподобы общественного устройства (на разных его уровнях), которые исключают религиозную ориентацию:

«Если человек отступает от Божиего замысла, если он строит цивилизацию, в которой нет Бога, то он повторяет грех Адама в планетарном масштабе и ничего у него не получится, как не получилось у строителей Вавилонской башни, что была разрушена силой Божией. Успешным может быть только такое общественное созидание, только та личная жизнь, только та семейная жизнь, которая устроится согласно воле Божией, согласно Божиему замыслу»³².

Патриарх обращает внимание на *знаки времени*, которые свидетельствуют о постепенном изживании не только современной секулярной парадигмы, но и того всесмещения, которое она породила под именем «постмодерна», одновременно указывая на новые опасности:

«Мы видим, как общественная дискуссия сегодня все более и более включает в себя размышления о значении духовной, культурной, религиозной жизни людей. Есть знаки того, что проходит бездумное поветрие эпохи постмодерна, когда все смешивалось в одну кучу, когда не различались ценности, когда человек мог утверждать любую нелепицу — не со ссылкой на Бога, даже не со ссылкой на другие авторитеты, а только со ссылкой на самого себя, представляя дело таким образом, будто сам он и является источником и конечным судьей всего того, что предлагает обществу и миру. Есть понимание того, что вся эта модель является абсолютно несостоятельной, потому что именно через подобное мироощущение в общество приходит хаос, а хаос всегда порождает стремление использовать смятенное состояние умов для

³¹ Там же.

³² Проповедь за Божественной литургией в храме в честь святых равноапостольных Константина и Елены г. Абакана (30 августа 2011 г.).

достижения своих собственных целей. И в этих условиях начинают выигрывать те, кто организуются в сообщества, чаще всего преступные сообщества, ставящие перед собой совершенно конкретные цели. В этих сообществах нет никакого постмодерна — там все подчинено воле руководителя, там все схвачено мертвой хваткой железной дисциплины. В результате эти сообщества, иногда совсем небольшие, превращают жизнь народа в кошмар»³³.

В этой ситуации Церковь не может оставаться сторонним наблюдателем, и устами Святейшего Патриарха она призывает православных христиан и все общество к активной позиции:

«Для того чтобы никто не мог терзать нас, весь народ должен быть сильным. А сильным он становится тогда, когда он объединен вокруг высокой идеи — той идеи, которая объединяет всех. И вера дает нам эту идею, так же, как и наша национальная духовная, культурная традиция. Это высочайшие нравственные идеалы, закрепленные в этой традиции, и, наконец, наш язык — средство и способ нашего общения...

Нужно размышлять и о мире, в котором мы живем, о нашем обществе, — размышлять сквозь призму наших христианских взглядов и убеждений. А самое главное, чтобы в результате этих размышлений мы достигали *единства духа в союзе мира* (Еф. 4, 3), становились мощной и сплоченной общиной людей, общиной единомышленников, способных реально повлиять на жизнь нашего народа»³⁴.

Один из важнейших вопросов современного общества — вопрос о культуре. Как понимать культуру? Как отличать культуру — от антикультуры? Наконец, как Церкви относиться к тому, что именуется современной культурой?

Касаясь этих вопросов, Святейший Патриарх следует той же логике, что и говоря об общественных процессах в целом, утверждая неразрывную связь культуры и христианства.

«Культура есть область приложения духовных и интеллектуальных сил человечества, вобравшая в себя многовековой опыт творческого, созидательного преобразования окружающего мира. Цель этого преобразования — подлинная гармония бытия, ориентирами на пути достижения которой являются идеалы любви, добра и красоты. Для христиан эти идеалы заданы Евангелием. И именно этими идеалами проникнута тысячелетняя культура нашего народа»³⁵.

В то же время в сфере культуры, в силу ее творческого характера, установка только на традицию — непродуктивна. Диалектика культуры состоит во взаимодействии старого и нового, во внимании к творческому потенциалу созидателей культуры. Здесь уместно вспомнить

³³ Слово после Божественной литургии в неделю по Богоявлению (23 января 2011 г.).

³⁴ Там же.

³⁵ Доклад на открытии XXVI Международных Рождественских образовательных чтений «Нравственные ценности и будущее человечества» (24 января 2018 г.).

слова Спасителя о книжнике, наученном Царству Божию, который выносит из сокровищницы своей новое и старое (Мф. 13, 52). Для Патриарха Кирилла характерен именно такой подход: «Я не являюсь ни ретроградом, тоскующим по культуре прошлого, ни противником новых форм и явлений современной культуры самих по себе. Моим глубоким убеждением является то, что Церкви не следует огульно отвергать их, оставляя современные формы культуры на откуп обезбоженному мировоззрению»³⁶.

О том же Патриарх говорит и в более широком контексте: «На самом деле, устойчивое развитие общества может осуществляться только при правильном взаимодействии традиционного и новаторского начал. Если будет только традиция, но не будет новаторства и движения вперед, то развитие человеческой цивилизации остановится. Да такого и быть не может, потому что Бог создал человека, предрасположив его к творчеству. А результатом творчества всегда является новое. Сам Господь сказал: *Се, творю все новое* (Откр. 21, 5). Не «сотворил новое» — «творя все новое»... Поэтому творчество и новации — это тоже часть Божественного замысла. А традиция — это то, что помогает людям выбирать из всего нового только самое важное и существенное, то, что само потом становится частью традиции. Традиция — это некий фильтр, но не бездумный, не безыдейный, а имеющий в основе своей Божественное начало, Божественный критерий»³⁷.

Главная мысль Патриарха в том, что «культура» без Бога становится антикультурой, ибо она открывает двери духу противоборства с Богом: «Сегодня, как и во все времена, миссия Церкви состоит в борьбе за человека, *против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12). Вызволить человеческую личность из объятий антикультуры, антихристианства, вернуть ее к Богу — это неотложная задача, которая стоит сегодня перед нами»³⁸.

Полемизируя с распространенным подходом, согласно которому следует приспособлять христианство к современной культурной ситуации, Патриарх выдвигает противоположную идею, имеющую богатую традицию в русской религиозной мысли XX в.: «Не инкультурация христианства, а христианизация культуры — вот в чем сегодня состоит цель христианской миссии по отношению к культуре. Культуру нельзя использовать тактически: культура сама должна стать носительницей Христова благовестия. Идя путем святых отцов,

³⁶ Русская Церковь и европейская культура (3 февраля 2010 г.) // Эксперт. 2010. № 4 (690).

³⁷ Слово на открытии IV Рождественских парламентских встреч в Совете Федерации (29 января 2016 г.).

³⁸ Русская Церковь и европейская культура (3 февраля 2010 г.) // Эксперт. 2010. № 4 (690).

актуализируя их отношение к обществу и к культуре, мы сохраняем надежду на укрепление христианского измерения в общественных отношениях и в современной культуре»³⁹.

По мысли Патриарха Кирилла, эта идея актуальна не только для национального сознания православных народов, но и для общеевропейской христианской цивилизации:

«Совместная задача христиан разных исповеданий очевидна — помочь европейцам не утратить чувство идентичности, не бояться говорить о своих корнях. Только таким образом можно сохранить знакомую нам Европу в качестве уникального и самобытного цивилизационного региона, имеющего равноправные взаимоотношения с другими центрами мира»⁴⁰.

Как следствие, возникает и насущная задача межхристианского взаимодействия в сфере культуры и в более широком общественном контексте:

«Соработничество христиан становится особенно необходимым в свете стоящих перед христианством вызовов. Перед лицом общих угроз войны, терроризма и экстремизма, вытеснения религиозного измерения из общественной сферы, публичного оправдания греха нам необходимо развивать тесное взаимодействие в духе мира и братской любви на основе вечных евангельских ценностей»⁴¹.

Не менее важным, с точки зрения Патриарха, является и более широкий нравственно ориентированный диалог, в котором Церковь призвана участвовать в силу внутренне присущего ей стремления содействовать общему благу. При этом в данном случае речь идет о благе не только в рамках отдельных обществ, но и человечества в целом, что диктуется универсальным характером как христианства, так и нравственных основ человеческого существования вообще.

«На мой взгляд, важной задачей межрелигиозного диалога, а также диалога между носителями секулярно-гуманистических и религиозных ценностей является утверждение понимания необходимости построения многополярного мира. Я употребляю слово «многополярный» не в политическом, а, скорее, в культурном аспекте, имея в виду такой мир, в котором гармонично сосуществуют и находятся в созидательном сотрудничестве различные цивилизационные полюсы. Основой для межрелигиозного сотрудничества в указанном направлении является внешне различное, но сущностно единое восприятие нашими религиозными традициями нравственных ценностей, имеющих абсолютный и универсальный характер...

В культурном опыте человечества заложено великое многообразие. Это данность, основная характеристика нашего бытия, которая

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

в условиях тесного, взаимозависимого и взаимосвязанного существования народов становится особенно важным фактором в жизни общества. Необходимо найти такой модус взаимодействия цивилизационных моделей, который приводил бы не к столкновению и противостоянию, но к партнерству и взаимообогащению, что является необходимым условием процветания всего человечества»⁴².

Следует подчеркнуть, что, говоря о межрелигиозном и религиозно-общественном диалоге и взаимодействии, Святейший Патриарх исходит не из абстрактных идей и благопожеланий, но из необходимости реагировать на вполне конкретную, актуальную проблему, с которой сегодня сталкиваются и религиозные сообщества, и общество в целом: речь идет о публичном оскорблении религиозных святынь. Эта острая проблема, которая в последние годы не раз становилась предметом внимания со стороны разных общественных сил в контексте соответствующего внутриобщественного конфликта, не может быть разрешена какими-либо частными мерами. Патриарх подчеркивает, что сама эта проблема связана с пониманием того, как свобода соотносится с нравственными нормами.

«Может ли подлинная свобода выражаться в посягательстве на то, что свято и дорого человеку? Конечно, нет. Там, где начинаются провокация и кощунство, свобода человека должна осознанно ограничиваться. Игнорирование духовно-нравственного измерения свободы неизбежно приводит к утрате самой способности различения добра и зла. Чем ниже уровень нравственности, тем более востребованными в массовой культуре становятся идеи, разжигающие низменные страсти. Вместе с тем, кризис культуры является одним из самых опасных для общества, что еще раз напоминает нам о необходимости соотносить все плоды данного человеку Богом дара творчества с нравственным измерением...

Государство при формировании политики, выработке законов, принятии решений о поддержке тех или иных культурных проектов должно учитывать нравственные устои, связанные с историческими и религиозными традициями народа. Только так обеспечивается созидательное развитие и бесконфликтное существование общества. Если сегодня не будет обеспечен тщательный контроль за соблюдением законодательства в плане оскорбления религиозных святынь, то завтра мы можем получить расколотый социум, у которого размыт ценностный базис, дезориентированную в моральных вопросах молодежь, что фактически лишает народ будущего. Убежден, что построение благополучного общества невозможно без учета духовных потребностей его членов, уважения к религиозным чувствам людей»⁴³.

⁴² Слово на заседании Президиума Межрелигиозного совета России (24 октября 2017 г.).

⁴³ Там же.

Вопрос о соотношении человеческой свободы и нравственных норм обретает не меньшую — а, быть может, и большую — остроту в связи с легализацией и распространением общественных практик, входящих в явное противоречие с христианской традицией, что также является следствием отказа от религиозного понятия греха:

«С точки зрения христианства, ошибка светского гуманизма заключается в том, что он не учитывает фактор искаженной природы человека, его склонности к греху, возможности употребления свободы во зло как для самого человека, так и для всего общества... С точки зрения Русской Православной Церкви, неприемлемо, когда гуманистическое понимание прав и свобод человека используется для утверждения в обществе представлений о допустимости в качестве социальной нормы таких греховных явлений, как аборт, гомосексуализм или эвтаназия. Налицо грубая подмена понятий: безнравственное поведение оправдывается учением о достоинстве человека, имеющем глубокие религиозные корни. Без религиозных корней идея достоинства повисает в воздухе. На чем основывается, на что опирается эта идея? Если мы вырываем религиозный фундамент, если отрываем человека от Бога, то и человеческое достоинство теряет свое основание»⁴⁴.

Общий вывод, который делает Патриарх, таков:

«За вытеснением религий из общественной сферы, несомненно, стоит борьба с моральным абсолютом во всех его проявлениях. Это, конечно, является сильным вызовом для всех верующих людей, которые такой моральный абсолют признают»⁴⁵.

Понимание Святейшим Патриархом Кириллом современного служения Церкви в мире и, соответственно, его церковно-общественная позиция кратко и емко были им выражены уже в первый год патриаршества в следующих словах:

«Церковь не переступала черты — ни тогда, когда ее обвиняли в медлительности и отсталости, ни сегодня, когда ее обвиняют в том, что она слишком активна и ее активность кому-то кажется неким опасным вызовом для светского характера государства. Церковь не выходила из законодательного поля и не нарушала законов. И что самое главное, мы старались не нарушать своих пастырских принципов...

«Но экономика и политика неотделимы от нравственного состояния личности. Вот что нам всем нужно понять: спасение человека — это не только его частная жизнь, его сокровенные мысли, его мини-социум, который обеспечивается семейными отношениями; но это и макросоциум, это страна, это вселенная. И везде человек может творить дела либо праведные, либо греховные. Современная действительность доносит до нас огромное количество информации об этих неправед-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Выступление на заседании Европейского совета религиозных лидеров «Права человека и традиционные ценности в Европе» (21 июня 2011 г.).

ных делах, совершаемых и в политике, и в экономике... И Церковь, не вмешиваясь в политический процесс, не поддерживая ни одну из сил в политической борьбе, оставляет за собой право на нравственную экспертизу политических программ и на нравственный комментарий к тому, что происходит сегодня в жизни нашей страны, в жизни нашего народа, будь то экономика, политика, культура, общественная мысль...

Именно так мы понимаем пастырство в XXI веке. Но это не значит, что человек с его внутренними проблемами уходит на задний план. Это не значит, что меняются какие-то приоритеты в пастырском служении. Всегда и при любых обстоятельствах в центре озабоченности Церкви — человек, человеческая личность с ее радостями, скорбями, разочарованиями, взлетами, падениями, святостью, греховностью, потому что именно для полноты жизни человека — и в его земном пути, и в вечности — Церковь совершает свое служение»⁴⁶.

Такой взгляд Патриарха на призвание Церкви в мире укоренен в традиционном, богословски выверенном понимании Богочеловеческой природы Церкви, в которой земное сопряжено с небесным, но одновременно небесное проявляется в земном. В Церкви действует Бог, но действуют и люди, призванные к соработничеству с Богом.

То видение Церкви и мира, их соотношения, которое Святейший Патриарх предлагает нам на протяжении своего первосвятительского служения, не является некоей теоретической конструкцией — оно вырастает из глубокой веры и духовного опыта. В словах Патриарха мы опознаем церковное Предание, которое актуализировано в конкретных условиях настоящего. А верность Преданию включает, согласно Символу веры, как веру в Бога Творца и Промыслителя, так и веру в саму Церковь Христову.

«Верим, что врата ада никогда не поколеблют Церковь. Верим в то, что фундамент, созданный святыми апостолами, выдержит любые самые страшные землетрясения. Но, веря в это, мы должны принять и ответственность за то, чтобы Церковь, живущая ныне, сохранила свою духовную силу, способность обращаться к народам с апостольской проповедью. Это требует от верующих людей, всех от мала до велика, способности защищать Церковь, оберегать ее, активно участвовать в ее жизни, дабы через внутреннюю, в том числе умственную работу мы освобождали церковную жизнь от возможных недостатков, несовершенства, становясь общиной горячей веры, общиной единомышленников, продолжающих в истории служение святых апостолов»⁴⁷.

⁴⁶ Выступление в Российской академии государственной службы (31 декабря 2009 г.).

⁴⁷ Слово в день памяти Собора Двенадцати апостолов (13 июля 2011 г.).